

Разведывательный полет подходил к концу, когда самолет, в котором находился майор Сергеев, был обстрелян фашистами.

«Под сиденьем что-то звонко треснуло, левую ногу дернуло словно бы сильным электрическим разрядом... Руками подтянул ногу вверх и увидел невероятное: стопы нет, из-под словно бы отрезанного голенища сапога свисают сухожилия, ручейками льется кровь...». Это отрывок из книги крупного ученого, академика Академии наук СССР, лауреата Ленинской и Государственной премий СССР Евгения Михайловича СЕРГЕЕВА.

Читатель уже, наверное, догадался: майор Сергеев и академик Сергеев — одно и то же лицо. И не было бы в этом ничего удивительного (мало ли людей, прошедших войну, пострадавших в ней, добились затем признания в самых различных областях человеческой деятельности), если бы не то, что Евгений Михайлович стал именно видным геологом, исследователем труднопроходимых участков Западной Сибири, Дальнего Востока, Кара-Кумов.

— Евгений Михайлович, давайте вернемся к моменту, когда вы — молодой, подающий надежды ученый, после многих месяцев, проведенных в госпиталях и больницах, на костылях вернулись в МГУ. Какое чувство вас обуревало? Ведь геолог, тем более специалист по грунтоведению и инженерной геологии, не может быть «кабинетным» ученым, а тут костыли! Было отчего прийти в отчаяние!

— Ну, знаете ли, об отчаянии говорить не стоит. Наоборот, крепла уверенность — вернуться в геологию. Причем убежденность исходила не из слепой веры в свои силы — к этому выводу я пришел в результате серьезного анализа, благо времени на госпитальных койках было достаточно. Еще до войны, участвуя в тяжелойшей экспедиции в низовьях Амура, я понял, что кроме глубоких теоретических знаний молодой человек, решивший стать геологом, должен обладать профессиональной физической подготовкой (кстати, сейчас многие студенты забывают об этом). Не считайте за скромность, но я сделал все, чтобы таковой подготовкой обладать. Я мог долго идти, умел хорошо плавать, грести, ездить

воли. Ведь, кроме прочего, физическая закалка вселяет в человека уверенность и сознание, что никакое несчастье не может помешать ему добиться намеченной цели. Само понятие физической закалки, по-моему,

культуры и зимой, и летом я бы проводил на воздухе. И хотя бы несколько раз в году устраивал туристические походы, вел бы летом детей не в бассейн, а на реку или озеро.

— Согласен, система физической культуры среди детей нуждается в улучшении, а как быть со взрослыми?

— Никакими посулами и обещаниями взрослого человека не заманишь на спортплощадку, если там нет минимальных условий, если там скучно и неинтересно... Не надо гнаться, может быть, за особым комфортом, но обычные раздевалки, душ, буфет в местах активного отдыха трудящихся необходимы. Впрочем, я убежден, каждый человек — кузнец своего счастья: если он хочет быть здоровым, бодрым, красивым, если хочет на долгие годы сохранить работоспособность, творческую активность, он обязан (именно обязан!) найти и место, и время для занятий физическими упражнениями.

— Кстати, есть ли в режиме дня академика Сергеева время, отведенное для поддержания физической формы?

— А как же! Уже много лет мой день начинается с физкультурной зарядки, а заканчивается вечерней часовой прогулкой. Кроме того, я по-прежнему остаюсь и грибником, и любителем рыбалки, и охотником. В моем возрасте, считаю, этого достаточно для поддержания работоспособности и бодрости.

Что ж, на этом, наверное, можно поставить и точку. Евгений Михайлович не хотел, чтобы о нем говорили как о яром поклоннике физкультуры — «тоже нашли физкультурника!», но уступил просьбам автора, потому что и сам пришел к выводу — пример академика Сергеева поможет каждому, кто попал в беду, добиться в жизни поставленной цели. А это, в конце концов, самое важное.

З. ТАБАТАДЗЕ.

Академик Евгений СЕРГЕЕВ:

Я заставил себя ходить

верхом, обладал навыками альпинизма, без особого труда передвигался в таежных горных районах... Ну, а после войны... Труднее всего с протезом ступни было ходить, вновь научиться спускаться и подниматься по склонам.

— Вы нашли свою особую систему тренировок?

— Нет, просто заставил себя каждый вечер совершать сначала часовые, а затем и 2—3-часовые прогулки. Сначала ходил медленно, затем увеличивал скорость, кроме того, ездил на рыбалку, за грибами, охотился... Подготовка эта растянулась, конечно, не на день и не на месяц, но настал наконец долгожданный момент, когда почувствовал — обузой для своих товарищей в экспедициях не буду. Скажу честно, на первых порах было очень тяжело, но я терпел, уж очень не хотелось в тридцать с небольшим лет «выпадать из обоймы».

— А если представить, что плавать, грести, ездить верхом вы не умели бы до ранения...

— Тогда не было бы геолога Сергеева. И, видимо, не только потому, что я не смог бы научиться всему этому, не хватило бы у меня, наверное, силы

подразумевает и гражданское мужество, и высокие волевые качества, и умение терпеть боль и разного рода неудобства. Мне кажется, что во времена моей молодости мы были более закаленными, чем нынешняя молодежь. Сейчас они все больше — специалисты узкого профиля. В различных ДЮСШ их лучше, чем нас, научили бить по воротам, бросать по корзине, быстрее бежать стометровку. Но нет у большинства разносторонней физической подготовки, нет естественного общения с природой, с морозом и дождем, с ветром и вьюгой. Сейчас зимой и в дождь — тренировки в зале, а мы все свободное время проводили на улице — ездил в парк Горького играть в волейбол при любой погоде, гоняли на коньках по Москве-реке, на катках, играли в футбол, хоккей... Не потому ли сейчас переполнены детские поликлиники, что наша система физической культуры для детей не служит одновременно и системой физической закалки?

— Так как же быть?! Закрывать спортивные школы?

— Ну зачем так сразу — закрывать. Пусть осваивают науку спорта. Но, скажем, уроки физ-